
СОЛДАТКА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ довольно большой залѣ земскаго училища села Верхотурья шелъ наборъ. Другого мѣста удобнаго для этого не было. Зданіе волостнаго правленія было мало, а время набора—позднею осенью—таково, что оконъ отворять нельзя; а потому въ небольшомъ помѣщеніи этого правленія воздухъ становился, отъ большого скопленія народа и отъ постояннаго присутствія нѣсколькихъ голыхъ „гожихъ“, до того нехорошъ, что волей-неволей приходилось на это время останавливать школьныя занятія и, вынеся парты, превращать школьное помѣщеніе въ залъ засѣданія воинскаго присутствія. Въ другой большой классной комнатѣ и въ помѣщеніи учителей размѣстились на ночлегъ члены присутствія. Тутъ же они, за винтомъ, а то и за стучолкой, коротали со съѣхавшимися окружными помѣщиками длинные осеніе вечера. Учителя же тоже переѣхали: одинъ, бывший съ священникомъ въ хорошихъ отношеніяхъ—къ нему, а другой, съ нимъ враждовавшій—къ волостному писарю. Три, четыре дня продолжалось присутствіе: день—надо было приготовить и вымыть школу, день—все привести въ обычный порядокъ,—итого, на цѣлую недѣлю учебѣ прерывалось. Это очень не нравилось инспектору, который уже десятый годъ жаловался на это предсѣдателю училищнаго совѣта, т.-е. предводителю. Предсѣдатель совѣта любилъ школьное дѣло, и это ему тоже не нравилось; онъ каждый разъ обѣщалъ инспектору постараться этотъ порядокъ измѣнить. Но кончалось тѣмъ, что предсѣдатель воинскаго

присутствія, т.-е. тотъ же предводитель, переговоривъ съ исправникомъ и уѣзднымъ военскимъ начальникомъ, писалъ въ училищный совѣтъ просьбу очистить училище, а предсѣдатель совѣта не находилъ возможнымъ отказать предсѣдателю присутствія. Повторялось это ежегодно со времени постройки школы. Прежде обходились помѣщеніемъ волостного правленія.

Итакъ... въ Верхотурьѣ шелъ наборъ. Наканунѣ были розданы жребіи, а теперь производился осмотръ. „Гожіе“ стояли вереницей по порядку нумеровъ вынутыхъ жребіевъ. Въ то время какъ одинъ осматривался и ощупывался докторами, а то и членами присутствія, другой стоялъ подъ мѣркой, при чемъ старшина изъ унтеръ-офицеровъ выпрямлялъ ему ноги и наблюдалъ, чтобы онъ голову держалъ какъ слѣдуетъ. Двое слѣдующихъ стояли уже голые, еще двое—въ рубашкахъ, слѣдующая пара—въ рубашкахъ и шароварахъ, но разутые. Иному стоять приходилось подолгу, если передъ нимъ случалось разногласіе между членами присутствія.

Осмотръ людей удивительно похожъ былъ на разглядываніе лошадей на конныхъ ярмаркахъ. Какъ барышникъ ощупываетъ ноги, животъ и грудь у лошади, такъ ощупываютъ доктора свидѣтельствуемаго. У лошади зубы смотрятъ; лѣзетъ въ ротъ новобранца и докторъ, только не беретъ его за языкъ, чтобы ротъ открылъ. Какъ лошадь молчитъ, такъ молчитъ человѣкъ подъ мѣркой, и если рѣшится иногда сказать: „ваше высокоблародіе, у меня голова болитъ“, то обыкновенно услышитъ отвѣтъ: „небось, пройдетъ“; а то и отвѣта не получитъ. Какъ радуется барышникъ, когда нападетъ на жеребца безъ порока, такъ смазуютъ красивое, здоровое тѣло юноши члены присутствія прежде, чѣмъ направятъ его въ гвардію.

Одинъ изъ докторовъ помоложе смотрѣлъ довольно равнодушно и подходилъ только по приглашенію коллеги. Другой, старикъ, бритый, лысый, со сморщеннымъ, какъ грибокъ, лицомъ и пучкомъ длинныхъ волосъ, торчавшихъ изъ ушей, наоборотъ, съ удовольствіемъ занимался своимъ дѣломъ, шутилъ большею частью пошло, иногда неприлично. Старика-предводителя эти шутки, часто оскорбительныя для новобранца, коробили. Исправникъ, хорошій человѣкъ, всегда боявшійся злоупотребленій, часто возбуждалъ разногласіе и соглашался признать кого-нибудь негоднымъ, только когда болѣзнь была очевидна и для него. А то скажетъ, бывало, глядя на докторовъ, признававшихъ у красиваго малаго порока сердца: „По моему, здоровъ; тамъ разберутъ“. И малаго направляли въ губернское присутствіе. Этотъ

исправникъ, главнымъ образомъ, не хотѣлъ, чтобы пришлось брать льготныхъ. Уѣздный воинскій начальникъ велъ свои списки и отмѣчалъ коренастыхъ въ артиллерію, ловкихъ и по возможности мастеровыхъ — во флотъ на семь лѣтъ, длинноногихъ — въ кавалерію. Послѣ, бывало, назначенный во флотъ бросался ему въ ноги и умолялъ пощадить, говоря, что у него жена и двое дѣтей. Полковника эти заявленія не трогали. „А кого же мнѣ во флотъ назначать? Дрянъ? Не женился бы, да не родилъ дѣтей, коли боишься ихъ оставить“, — и человекъ на семь лѣтъ отрывался отъ жены и дѣтей. Предводитель относился къ своему дѣлу вполне сознательно. Часто, когда выкрикивалось роковое: „годень“, онъ начиналъ думать о томъ, куда бросить новаго солдата судьба, мирно ли онъ вернется черезъ положенный срокъ въ семью свою, или найдетъ преждевременную смерть на войнѣ изъ-за преобладанія той или другой державы надъ третьимъ, болѣе слабымъ народомъ? А если вернется, то все ли онъ найдетъ дома, какъ оставилъ, или узнаетъ, вернувшись, что мать или грудной его сынъ умерли, что жена измѣнила ему и родила безъ него, что богатый домъ превратился въ нищій отъ того, что ушелъ изъ него единственный хорошій работникъ? Въ молодости онъ самъ былъ военнымъ, былъ на войнѣ и сохранилъ о ней воспоминаніе, какъ о чемъ-то ужасномъ, противоестественномъ, бессмысленномъ... И теперь ему часто хотѣлось плакать, когда онъ воображалъ кого-нибудь изъ этихъ молодыхъ людей умирающимъ, одинокимъ между трупами на полѣ брани, послѣ долгихъ страданій, отъ того, что некому перевязать его ранъ. „Не убій!“ — слышалось ему. — „Люби ближняго, какъ самого себя“. А тутъ онъ же рѣшалъ вопросъ: годень или не годень убивать какъ можно больше ближнихъ этотъ человекъ?..

Въ прихожей и у крыльца школы толпился народъ. Уже забритые и толпою ждавшіе своей очереди, родители ихъ, родственники, знакомые, пріѣхавшіе провожать ихъ иногда за сорокъ верстъ, чтобы скорѣе разъяснилось давящее сомнѣніе: „годень“ или „не годень“. Къ окнамъ комнаты, гдѣ происходилъ наборъ, подлѣзали бабы, дѣвки, парни, дѣвочки и мальчики. Нѣкоторые изъ нихъ любовались выставившейся на показъ наготой, а большинство съ трепетомъ старалось сквозь окна разгадать минутой раньше всѣхъ давившее сомнѣніе, „годень“ или „не годень“ ихъ сынъ, ихъ мужъ, ихъ братъ?..

Исправникъ, видя, что лѣзутъ, подходилъ къ окну и кричалъ: „Чего лѣзете? Аль не видали?“ — и всѣ на минуту отбѣгали, чтобы снова приставить, кто могъ, свои лица къ стеклу.

Когда, еле успѣвъ одѣться, „гожій“ выбѣгалъ наружу и сообщалъ матери, отцу, женѣ результатъ осмотра, у нихъ вырывался или крикъ радости—при словѣ „не годенъ“, или вздохъ временнаго облегченія—при извѣстїи объ отсрочкѣ, или, наконецъ, восклицаніе скорби, когда слышали:—„годенъ“. Сердце у нихъ, какъ бы обрывалось, какъ обрывается у родныхъ преступника, когда они слышатъ на судѣ отвѣтъ присяжныхъ: „да, виновенъ“.

II.

Наканунѣ въ селѣ Шматовѣ, неподалеку отъ Верхотурья, Максимъ Кондратьевъ и жена его Ольга Панкратова Тарабринь, по уличному Курносиковы, собирались провожать своего старшаго сына, Андрея, въ солдаты. Уже давно онъ „гулялъ“ съ другими гожами. „Гуляли“ любовые и льготные, здоровые и больные.

— Чего ты-то гуляешь? — скажутъ, бывало, какому-нибудь льготному второго разряда. — Вѣдь тебѣ не идти!

— А може и льготныхъ возьмутъ?

Или скажутъ хрому какому-нибудь:

— Тебя возьмутъ что-ль? Да на вой ты нуженъ въ солдатахъ?

— А ну какъ забрѣютъ?

И льготный, и хромой знали, что ихъ не возьмутъ, но рады были случаю погулять. Андрей же самъ былъ увѣренъ, что пойдетъ. Правда, мать его долго ахала, что у нихъ возьмутъ послѣдняго работника.

— Что за работникъ Васька?—говорила она:—нешто это кормилецъ для отца съ матерью? Нешто онъ насъ прокормить?

Она забывала, что Васькѣ шелъ уже девятнадцатый годъ, забывала, что они держатъ работника. Ходила въ волостное правленіе, доходила до земскаго. Вездѣ ей сказали одно:

— Сынъ твой не льготный. Законы насчетъ этого строгіе. Хоть бы ты и взаправду разорилась отъ этого—Андрея возьмутъ.

Итакъ, наканунѣ набора у Курносиковыхъ собралась родня, провожать его въ солдаты. Главнымъ образомъ собрались не столько его родные, сколько родные его жены, Агаѣи. Пришли они поплакать о горькой участи будущей солдатки. Выпили порядкомъ и стали говорить и плакать о предстоявшей разлуцѣ.

— Чего ты, Агаѣя, убиваешься?—говорила ей ея мать.—
Вѣдь, можетъ, его еще, голубчика, по дальнему жребію оставить.

— Ну, не бывать такому счастью. Сердце мое чуетъ...

Андрей, порядочно выпившій вина, куражился.

— Ну, чего ты ревешь? Ну, возьмутъ. Послужу и я. Аль я въ полѣ обсѣвокъ?

А у самого слезы, нѣтъ, нѣтъ, да и навернутся. Жаль ему было дома, стариковъ, а главное —жены. Пара, дѣйствительно, была на радость. Оба стройные, красивые, уже два года женатые, они любили другъ друга, какъ въ началѣ супружеской жизни. Онъ—сынъ богатыхъ родителей, она—тоже изъ богатаго дома,—были, казалось, созданы другъ для друга. Вся деревня завидовала.

— Ну, чего ты хорохоришься? Небось ты не Курносиковъ,—говорилъ иной разъ мужъ, ссорясь съ женой.

— Ну и ты не Курносиковъ,—отвѣчала та.

Молодые Курносиковы служили примѣромъ всего хорошаго, красиваго, богатаго. И выпивши, Андрей не обижалъ жены, не подавалъ малѣйшаго повода къ ревности, слушался ея, когда она звала его домой.

Отецъ его, Максимъ, еще не старый человѣкъ, лѣтъ сорока, тоже красивый и стройный, хотя немного болѣе плотный, чѣмъ сынъ, былъ образецъ хозяина воздержнаго и расчетливаго, безъ скупости, строгаго и требовательнаго, безъ жестокости. Первый человѣкъ на сходѣ, безсмѣнный волостной судья, онъ часто тоже приводился въ примѣръ домохозяина. Одинъ у него былъ недостатокъ: „охочъ“ былъ до женскаго пола. Ну, да и тутъ ему находили извиненіе: жена его, Ольга, была ему не пара. Она была глупа и даже по крестьянству мало развита. Мужъ разговаривать съ ней не любилъ.

— Ты ужъ молчи. Не твоего ума это дѣло,—говорилъ онъ ей, когда она вмѣшивалась въ серьезный разговоръ.

Зато съ сыномъ и даже свохой онъ любилъ совѣтоваться.

Пили у нихъ наканунѣ набора немного. Водка не придавала веселья, а наоборотъ, еще больше располагала къ слезамъ.

Утромъ на другой день вся семья поѣхала въ Верхотурье, поручивъ домъ работнику. Ъхали тихо и почти всю дорогу молча. Правиль Василій.

Очередной жребій Шматовской волости былъ одинъ изъ послѣднихъ. Поэтому Андрею, до вынутія жребія, приходилось ждать цѣлый день. Они всѣ провели его у телѣги. Хотя разговоръ не влекся, всѣмъ хотѣлось быть съ Андреемъ. Сердце его стучало и руки дрожали. Онъ нѣсколько разъ спросилъ у волостного пи-

саря, съ какого нумера есть надежда остаться. Писарь рассчиталъ по примѣру прежнихъ лѣтъ и отвѣтилъ, что таеъ, приблизительно, съ пятьсотъ-двадцатаго можно еще надѣяться.

— А ну какъ останусь?—шепнулъ онъ на ухо женѣ.

Жена ему не отвѣтила, только еще заплакала. Наконецъ очередь пришла и за его волостью. Призываемые стали по порядку записи вереницей и по вызову вынимали билетки изъ колеса. Подводили ихъ старшина и писарь со спискомъ въ рукахъ. За льготныхъ перваго разряда жребій вынималъ самъ старшина. Члены присутствія записывали результатъ жеребьевки въ разные книги, выкликая по очереди, какъ бы переключаясь, имена взявшихъ жребій и нумеръ.

— Андрей Максимовъ Тарабринъ,—провозгласилъ одинъ изъ ченовъ. У Андрея помутилось въ глазахъ.

„Неужели разставаться придется и идти? Богъ дастъ, останусь“. Онъ широкимъ крестомъ перекрестился, засучилъ рукава, вынулъ жребій и подалъ его воинскому начальнику.

— 514,—проговорилъ тотъ.

— 514, Андрей Максимовъ Тарабринъ,—повторилъ исправникъ.

Андрей отошелъ.

„Какъ будто идти. А вдругъ... вѣдь это недалеко отъ 520“.

Онъ вернулся къ своимъ, не сводившимъ глазъ съ дверей шеолы.

— 514,—сказалъ онъ.

— Ничего не видать,—проговорилъ Максимъ. — Раньше конца не узнаемъ. Какъ браковка пойдетъ.

Они остановились у знакомыхъ. Обѣ ночи никто изъ нихъ почти не спалъ. Андрей то-и-дѣло, несмотря на холодную осеннюю погоду, выходилъ провѣтриваться. Первый день осмотра браковка шла, по выраженію писаря, ни шатко, ни валко. Напередъ нельзя было ничего сказать. У Андрея, отъ томительнаго сомнѣнія, разболѣлась голова. Онъ утѣшалъ жену, какъ могъ, хотя самъ, отъ мучившей его неизвѣстности, готовъ былъ заплакать. Онъ давалъ обѣтъ сходить въ Воронежъ, къ святителю Митрофанію, если останется... „Каждый праздникъ буду провиру подавать... лишь бы остаться... бѣдная Ганя!“

Къ вечеру второго дня осмотра уже свидѣтельствовали 500-го; позвали въ залу Андрея и велѣли раздѣваться. Онъ сталъ въ рядъ. 509-й былъ взять, еще не хватало двухъ. Андрей расчелъ, что останется, если изъ четырехъ возьмутъ двухъ.

Авось, на его счастье, не забракуютъ.

510-й оказался чахоточнымъ, 511-й забрять.

„Еще двое остались, неужели одного не возьмутъ?“ — думалъ онъ, стоя уже совсѣмъ голый, недалеко отъ мѣрки.

512-й сказалъ, что плохо слышитъ. Докторъ ему велѣлъ закупорить носъ и ротъ и надуться. Въ ухѣ было прободеніе перепонки. Онъ былъ забракованъ.

„Вотъ счастливецъ-то! что бы у меня ухо болѣло, — подумалъ Андрей. — Ну! послѣдняя надежда. Этотъ малый подъ мѣркой, какъ будто здоровъ... Можетъ, забрѣютъ... Боже, помоги мнѣ... Даю еще клятву сходить въ Кіевъ“...

— Всѣмъ здоровъ? — спросилъ докторъ.

— У меня во рту болить, — отвѣтилъ призываемый.

Осмотрѣли ротъ, при чемъ и исправникъ всталъ и посмотрѣлъ — оказались раны.

— Отсрочка, — сказалъ докторъ.

— Жаль, малый славный! — возразилъ исправникъ.

— Кончено! — мелькнуло въ головѣ Андрея.

— А этотъ чѣмъ плохъ? — спросилъ докторъ, смотря на него.

Андрей уже стоялъ подъ мѣркой. Толстый старшина, съ медалями, ударами ноги выпрямлялъ его ноги, а руками сильно повернулъ голову, чтобы онъ ея не нагибалъ въ сторону. Смѣрили грудь, посмотрѣли во рту, выслушали.

— Всѣмъ здоровъ? — спросилъ докторъ.

— Голова болить.

— И у меня, братъ, болить. Плохо ночь спалъ. Аль не хочется въ солдаты? Женать?

— Точно такъ, женать.

— Ну, не тоскуй о женѣ. Пойдешь въ солдаты — думаешь, никто не найдетъ ея утѣшить?

При этой злой шуткѣ, докторъ хлопнулъ его по плечу.

— Гожъ, — громко сказалъ онъ.

— Гожъ, — повторилъ уѣздный начальникъ.

Андрей пошелъ одѣваться.

Недѣли черезъ три послѣ набора, большая толпа крестьянъ собралась въ уѣздномъ городѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги. Новобранцы, окончательно распредѣленные воинскимъ начальникомъ, отправлялись къ мѣсту своего назначенія. Кто ѣхалъ въ Варшаву, кто въ Ригу, кто въ пѣхоту, кто въ артиллерію, кто въ гвардію въ Петербургъ. Въ числѣ гвардейцевъ былъ и Андрей. Всѣхъ новобранцевъ провожали родные, пріѣхавшіе изъ селъ, послѣдній разъ съ ними повидаться. Новобранцы были всѣ въ

коротких полубухахъ, въ башлыкахъ. Каждому мать или жена приготовили, что могли—рубашки, шаровары, приготовили изъ послѣдняго, часто продавъ всѣ запасные хомуты или понёвы. Тутъ старуха, крестя сына, совала ему лепешку изъ послѣдней горсти муки, или молодая жена, съ ребенкомъ за пазухой, отдавала ему баранки, купленные на двугривенный, заработанный въ праздникъ на поденной у помѣщика.

Андрея провожали отецъ съ матерью и жена. Время приходило прощаться: Андрей отвелъ жену въ сторону.

— Ганя, не будешь гулять безъ меня?

— Видитъ Богъ, не буду, Андрей!—и залилась слезами.

Андрей изъ денегъ, данныхъ ему на дорогу отцомъ, сунулъ ей три рубля.

— Купи себѣ, что нужно, моя бѣдная.

— Нѣтъ, не надо, не надо. Тебѣ нужнѣй... Оставь себѣ.

— Бери, тебѣ говорить. Мнѣ ничего не нужно.

Она взяла деньги и опять заплакала. Подошли родители. Мать заголосила.

— Не убивайтесь такъ!—сказалъ Андрей.—Богъ дастъ, отслужу и вернусь,—и самъ заплакалъ.

— Садитесь, садитесь!—послышался голосъ.

Андрей стиснулъ зубы, поцѣловалъ отца, мать, судорожно обнялъ жену и побѣжалъ въ вагонъ. Долго еще смотрѣлъ онъ въ окно и не могъ оторваться отъ милыхъ образовъ.

— Ганя!—крикнулъ онъ, когда поѣздъ тронулся.

Тѣ постояли, постояли, пока поѣздъ не повернулъ и не скрылся изъ глазъ. Агаѣя махнула рукой. Съ поѣздомъ улетало ея счастье.

III.

Прошло около пяти лѣтъ. За два дня до Покрова, въ поѣздѣ, приближавшемся по направленію отъ Петербурга къ той же станціи, гдѣ происходили только-что описанные проводы новобранцевъ, сидѣло нѣсколько военныхъ въ разныхъ мундирахъ. Съ числѣ ихъ и красотой, и блескомъ мундира отличался старпій унтеръ-офицеръ одного изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ юлковъ. Это былъ Андрей Курносиковъ.

— Какъ это я, землякъ, тебя въ Питерѣ не встрѣчалъ?—оворилъ ему унтеръ-офицеръ изъ другого полка—пѣхотнаго, бѣвшій на одной изъ послѣднихъ станцій.

— Чего же тутъ мудренаго?—отозвался Андрей.—Петербургъ—не маленькая деревня.

Разговорились они о житьѣ-бытьѣ въ ихъ полкахъ. Андрей рассказывалъ про свою службу.

— Только я приѣхалъ и еще былъ въ новобранцахъ, приходитъ письмо, что матушка моя померла. Въ погоду, значить, ѣхала съ базара съ отцомъ, да заплутались. Она простудилась и померла... Нехорошо мнѣ было на сердцѣ... И могилы еще не видалъ... Ну, потомъ, значить, изъ деревни все слухъ шель хорошей, и отъ отца подарки, и отъ жены поклонны... все честь честью... и мнѣ стало вовсе хорошо. Извѣстно дѣло: гвардія. И пища хорошая, и начальство заботится... Мнѣ армейскіе не то рассказывали. Я былъ грамотный и, могу сказать, хорошо грамотный... Попалъ въ учебную команду. Лучше жизни не надо, кабы не болѣло сердце о домѣ, а главное о женѣ... Такъ дѣла сложились, что и на побывку не пришлось ѣхать... Разъ только въ лазаретѣ шесть недѣль вылежалъ: ногу сломалъ на маневрахъ. А то дай Богъ всякому такъ служить, какъ я служилъ. Ну, теперь скоро. Это нашъ городъ... мнѣ слѣзать.

На вокзалѣ Андрей встрѣтился съ односельчаниномъ, приѣхавшимъ въ городъ—хлѣбъ продавать. Лошадь онъ поставилъ на постояломъ дворѣ, а самъ пришелъ на вокзалъ посмотреть. Андрей первый узналъ его.

— Ну, Андрюха, отродясь бы не угадалъ тебя. Какимъ героемъ высмотришь! Ну, молодецъ!

— Какъ Ганя? Жива? Отецъ что?

— Ничего, ничего. Всѣ слава Богу. Дядя Максимъ амбаръ новый построилъ, желѣзомъ покрылъ. А хлѣба убралъ—въ пять лѣтъ не поѣсть. Онъ у Метелкина пятнадцать десятинъ снялъ; да на счастье, что ни посеялъ—все какъ нельзя лучше родилось.

— Нѣтъ, ты про жену-то мнѣ скажи. Здорова?

— Слава Богу, тебя, знать, заждалась—похудѣла. Скучная такая ходить. А то ничего.

Черезъ нѣсколько часовъ Андрей на лошади встрѣченнаго односельца въѣзжалъ въ Шматово. Было еще свѣтло, и всѣ бывшіе на улицѣ вглядывались въ проѣзжаго. Нѣкоторые его не узнавали, а нѣкоторые спѣшили съ нимъ раскланяться.

— Ну?.. Андрюха?.. Каковъ? Ганя-то теперь рада будетъ. А то вовсе стосковалась.

Какъ ни понукалъ мужикъ свою лошадь, Андрею все казалось, что ѣдутъ медленно. Навонецъ, подѣхали къ его дому.

Андрей вошелъ въ избу. Василій бросился къ брату. Тутъ же была Васильева жена съ ребенкомъ.

— Гдѣ Ганя?

— Она куда-то вышла. Сейчасъ, знать, придетъ.

Вошелъ Максимъ и поздоровался съ сыномъ довольно холодно.

— Ну, какъ, батюшка, поживаете? Ждали меня, что-ли? Да гдѣ же Ганя?

— Не знаю, я ея не видалъ. Знать, къ своимъ пошла.

Между тѣмъ вѣсть о приѣздѣ Андрея разнеслась по селу и скоро дошла до семейства Агаѣи, гдѣ она дѣйствительно была. Она сейчасъ же отправилась домой.

— Ганя! моя дорогая!—бросился ей на встрѣчу мужъ.

Агаѣя его поцѣловала холодно.

— Ну, дай, дай себя разглядѣть... Боже, какая ты худая! Что ты, больна?

— Нѣтъ, я ничего. Съ чего ты взялъ, что я больна?

— Да что ты какая-то скучная? Аль мнѣ не рада?

— Какъ не рада? Почему мнѣ не быть довольной?—глухимъ голосомъ отвѣтила Агаѣя.

Тѣмъ временемъ понашли родные и сосѣди. На столѣ появилась водка. Начали поздравлять Андрея съ приѣздомъ.

„Что съ Ганей?—думалъ про себя Андрей.—Или, правда, что случилось?“

Пили до поздней ночи. Ночь была теплая, и когда разошлись, Андрей пошелъ спать въ хатку жены. Онъ пилъ немного и пьянъ не былъ.

„Что съ Ганей? Ее не узнаешь. Ну посмотримъ“,—все думалъ онъ, идя спать.

IV.

Ночью Андрей проснулся. Онъ прозябъ. Въ хатѣ было темно.

— Ганя!—окликнулъ онъ жену:—надо тулупъ достать, а то холодно.

Отвѣта не было.

— Ганя, Ганя!—позвалъ онъ громко.

Никто опять не отозвался. Онъ разыскалъ спички, зажегъ одну и посмотрѣлъ. Гани въ хатѣ не было. Онъ бросилъ спичку.

„Что съ Ганей? Я ея не узнаю. Говорять, по мнѣ скучала... Да тогда ей нужно бы было не такъ меня встрѣтить! Или, не дай Богъ, у нея что на соеѣсти есть? Да нѣтъ... быть не можетъ. Можетъ, больна?.. что жъ она тогда не говоритъ?..“

Андрей вышелъ. Онъ началъ безповоитъ отсутствіемъ жены. Ночь была ясная и холодная. Луны не было, но при яркомъ блескѣ звѣздъ можно было кое-что разглядѣть. Онъ осмотрѣлся и, самъ не зная зачѣмъ, прошелся взадъ и впередъ. Вошелъ въ избу. Въ избѣ было темно, и по храпу было слышно, что всѣ спятъ.

„Можетъ, ей холодно стало, и она перешла спать въ избу,— подумалъ онъ,— да нѣтъ; быть не можетъ“.

Спички зажигать онъ не захотѣлъ и опять вышелъ наружу. Такъ же машинально онъ дошелъ до риги. Вдругъ изъ риги ему послышались голоса.

„Неужели она?“ — мелькнуло у него въ головѣ. Сердце сжалось у него, и онъ, притаивъ дыханіе, подошелъ ближе... еще ближе... Онъ прилегъ къ соломенной крышѣ риги, поднимающейся съ самой земли... Голоса были слышны, но разобрать, что и даже кто говоритъ, было нельзя... Онъ раскопалъ отверстіе въ соломѣ... Разговоръ былъ, очевидно, горячій... одинъ голосъ низкій, другой высокій, какъ будто плачущій... Онъ выхватилъ еще, сколько могъ, соломы, почти насквозь. Голоса сдѣлались яснѣе... Говорила, всхлипывая и хрипя, его жена, Гая.

— Батюшка, оставь... Я тѣ сказала, оставь... Я ухожусь, но больше на это не пойду... при немъ.

Ей отвѣчалъ тоже сдавленный страстью и страхомъ голосъ Максима, Андреева отца.

— Ну, что жъ... уходишь... только не живи съ нимъ... Можетъ, и я ухожусь... Мнѣ жизнь на радость что-ль?... Но коли ты съ нимъ будешь жить... я убью, убью всѣхъ, и тебя, и себя, и его... слышишь?

— Оставь... а то закричу... Я изъ-за тебя два года покою не знаю. Боюсь на людей смотрѣть. Боюсь на духу повайтъ... И теперь, какъ онъ пришелъ, и то ты не хочешь меня пожалѣть... Оставь, тебѣ говорю... Я откроюсь всему свѣту: все равно помирать.

— Нѣтъ, шалишь, не уйдешь...

Началась возня.

Когда Андрей, разобравъ въ одномъ мѣстѣ крышу, услышалъ голосъ жены, онъ почувствовалъ острую боль въ сердцѣ и страстное желаніе убить соперника; но когда онъ узналъ, что соперникомъ его является родной его отецъ, у него закружилась голова, и онъ упалъ въ безпамятствѣ; но это продолжалось мгновенно; онъ одной рукой схватился за слегу, на которой лежала солома крыши, другой рукой вцѣпился туда же, такъ что ногти

вошли въ тѣло; еще больше всунуль голову въ сдѣланное отверстие и сталъ жадно слушать. Онъ то сжималъ зубы, то стучалъ ими, какъ въ лихорадеѣ, стараясь поглядѣть и увидать ихъ. Но ночь была темная. Ничего не было видно. Слышна была возня, какъ будто она хотѣла убѣжать, а тотъ ее не пускалъ. Онъ хотѣлъ крикнуть: „оставь!“ —но звукъ не выходилъ изъ горла.

— Пусти, окаянный! — послышался голосъ Гани.

— Нѣтъ, небось, не вырвешься!

— Кара... — Очевидно, она хотѣла крикнуть: „вараулъ“, —но тотъ зажалъ ей ротъ.

Андрей попытался крикнуть: „Брось!“ —но голосъ измѣнилъ ему, и никакого звука не вышло изъ его горла. Онъ броситься хотѣлъ, самъ не зная — зачѣмъ: не то чтобы освободить жену, не то чтобы убить одного изъ нихъ или обоихъ... Но ноги не шли; какая-то сила приволакала его къ мѣсту. Борьба, отрывочныя слова и восклицанія, глубокіе вздохи продолжались... Андрей сдѣлалъ усиліе, оторвался отъ своего отверстия и бросился къ воротамъ, отворилъ ихъ и устремился къ тому мѣсту, гдѣ все слышалась борьба. Онъ, молча, подходилъ къ мѣсту борьбы съ сжатыми кулаками, готовый броситься на обоихъ... Но было темно, рига загромождена разными вещами, и онъ, споткнувшись объ оглобли стоявшей въ ригѣ телѣги съ хлѣбомъ, упалъ... Какою страстью ни будь одержимъ преступникъ, невольное сознаніе, что онъ дѣлаетъ дурно и что его могутъ увидеть, дѣлаетъ его чуткимъ. Максимъ и Агаея услышали шумъ паденія Андрея... Имъ въ голову не могло придти, что это кто-нибудь другой... Они его не видѣли, но чувствовали его присутствіе; оба замерли, какъ приволаканые къ мѣсту; она — лежачая, онъ — передъ нею на колѣняхъ...

Андрей поднялся и, приговаривая: „убью, убью...“ хотѣлъ было идти на звукъ, но звука не было; онъ, съ проклятіемъ, началъ шарить по соломѣ. Тѣ ждали его, какъ приговоренные къ смерти. Вѣдь, кромѣ смерти, чтò могло ждать ихъ? Наконецъ, онъ натолкнулся на тѣло, и лѣвой рукой схватилъ это тѣло за шею...

— А-а!.. Это ты? Мнѣ того нужно... Тебя потомъ...

Онъ, на-ощупъ, почувствовалъ, что это — жена его; не то нетерпѣніе раздѣлаться съ отцомъ, не то невольная жалость къ женѣ — удержали его. Максимъ все стоялъ на колѣняхъ. Андрей ощупалъ и его, схватилъ его за плечо и сдвинулъ колѣнями. Максимъ не сопротивлялся; онъ ждалъ смерти. Андрей поднялъ кулакъ... еще секунда — и онъ сдѣлается отцеубійцей...

— Нѣтъ, не могу... отца...— прошепталъ онъ; ноги и руки его какъ бы ослабѣли, и онъ самъ упалъ на землю.

— Уйди, уйди!—проговорилъ онъ.

Отецъ его машинально всталъ и повиновался, какъ бы удивляясь, что еще живъ.

— О, Боже, что мнѣ дѣлать?—простоналъ Андрей.

Онъ нѣсколько минутъ пролежалъ на землѣ, какъ бы собирая свои мысли. Чувство злобы вдругъ прошло и замѣнилось другимъ чувствомъ—безконечной жалости къ себѣ и къ жемѣ. Онъ объ отцѣ въ эту минуту не думалъ. Рядомъ съ нимъ лежала Агабья въ полубезсознательномъ состояніи. Ее охватило тоже чувство жалости къ этому человѣку, котораго теперь она любила еще болѣе страстно, чѣмъ прежде...

Она поняла, что смерти ей ждать уже нечего. О! въ тысячу разъ милѣе была бы ей смерть, чѣмъ угрызения мучившей совѣсти!..

Черезъ нѣсколько минутъ Андрей привсталъ и сѣлъ на землѣ; сердце его продолжало болѣть; онъ держался за грудь.

— Ганя!—проговорилъ онъ.

Она молчала.

— Ганя, Ганя!—повторилъ онъ.—Ты слышишь меня?

Она что-то простонала. Онъ понялъ, что она слышитъ его.

— Ганя, скажи прямо... какъ передъ Богомъ... Мнѣ надо знать... ты жила... съ нимъ?

— Жила,—шопотомъ отвѣтила она.

Онъ это и раньше зналъ, но хотѣлъ еще услышать то же самое изъ ея устъ. Признаніе ея рѣзнуло его по сердцу.

— О, я несчастный!.. и ты несчастная...

Нѣсколько времени прошло въ молчаніи. Онъ, лежа и схватившись руками за голову, старался сдержать кровь, стучавшую въ его вискахъ, и собрать разбѣгавшіяся мысли; она, сидя на колѣняхъ и невольно сложивши руки въ знакъ мольбы, вся погруженная въ ужасъ положенія, безсознательно ожидала, что будетъ. Не видя его въ потемкахъ, она ждала, что онъ скажетъ, не зная навѣрное, откуда послышится голосъ его.

— А ты поддалась неволѣ, или сама жалѣла его? Говори правду.—Онъ, очевидно, бередилъ свою рану.

— Сперва-наперво я пошла на это невольно, а послѣ и сама его жалѣла,—прошептала она.

Его передернуло.

— Ну, а обо мнѣ... не думала? Или тебѣ было все равно?

— Какъ не думать? И мучилась же я!.. Я каждую минуту у Бога смерти молила.

Онъ вспомнилъ ея худобу и ни на минуту не усомнился въ томъ, что она говоритъ правду. Онъ хотѣлъ узнать все до мельчайшихъ подробностей. Плана у него насчетъ будущаго никакого не было, но онъ хотѣлъ покончить съ этимъ дѣломъ сразу, все узнать достоверно отъ самой Агаѣи, и затѣмъ однимъ ударомъ разрубить запутавшійся узелъ. Какъ—онъ самъ, конечно, не зналъ. Съ другой стороны, ревность, не уменьшавшая его любви къ женѣ, побуждала его болѣе и болѣе углубляться въ подробности дѣла, и тѣмъ доставляла ему какое-то особое чувство мучительнаго сладострастія... Онъ привсталъ.

— Агаѣя... Ты расскажи мнѣ все, какъ было. Слышишь? Агаѣя застонала.

— Не могу... Послѣ...

— Нѣтъ, сейчасъ. Я требую, чтобы ты все сказала. Все! Слышишь?

Онъ ощупью разыскалъ ее, схватилъ ее за руку и, не выпуская ея руки изъ своей, еще разъ глухо повторилъ:

— Слышишь? Все расскажи, я требую; а то—берегись!..

Онъ крѣпко сжалъ ея руку. Она не старалась ее освободить. Физическая боль была ей пріятна.

— Ну, слушай, воль хошь; такъ, правда,... лучше... я все скажу...

И тутъ, въ потемкахъ, въ ночной тишинѣ, прерываемой лишь изрѣдка шуршаніемъ пробѣгавшихъ мышей, она хриплымъ, сдавленнымъ голосомъ начала свою исповѣдь.

V.

— Когда ты ушелъ въ солдаты, я чисто сиротой осталась. Никто мнѣ не былъ милъ, ни отецъ, ни мать, ни сестры. Я цѣльными днями плакала. Потомъ, на зимнюю Миколу, свекровь померла; Василья, мясоѣдомъ, женили; я осталась старшей въ домѣ, и за хозяйствомъ время шло. Я все думала о тебѣ... когда-то ты вернешься... Свекоръ былъ доволенъ моимъ стараньемъ и все меня хвалилъ, ругалъ сноху другую и работника, что плохо мнѣ помогаютъ.

На масляной—вьюга была—не давалъ снѣгъ отчищать, солону носить, по воду ходить. Пошла это разъ я на колодець за водой, а онъ на встрѣчу идетъ,—выхватилъ изъ рукъ ведра

и самъ накачалъ. И совѣстно мнѣ было, и довольна-то я была, что мнѣ жить хорошо... На базаръ съѣздила, — мнѣ платокъ шерстяной привезъ... Другія солдатки на улицу ходили, а я обѣ улицѣ и не думала. Мнѣ и дома хорошо было все; да и о тебѣ думать могла, сколько хотѣла... Только въ своимъ, бывало, сходишь, матушку провѣдать... или къ сестрѣ...

Свекоръ все сталъ дома сидѣть. Какъ я за что возьмусь, — онъ не даетъ. „Твоя, молъ, доля солдатки и такъ тяжела“. А я ничего не понимаю, сижу-себѣ барыней... Разъ Василій съ женой и работникомъ — постомъ это было — молотили овесъ сѣмянной. Я въ избѣ осталась шить кое-что себѣ; свекоръ былъ тутъ же... Онъ подсѣлъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— „А что, Ганя, скучно тебѣ одной, безъ мужа?“ — „А то какъ же, батюшка, — говорю я, — не скучно?“ — „Вотъ и мнѣ, — говоритъ, — скучно одному“. — Да какъ схватить меня и началъ обнимать...

Андрей, молча слушавшій ее, при этомъ сильно сжалъ ея руку. Ревность, чудовищная ревность къ отцу, отбившему у него любимую жену, мучила его. Онъ радъ былъ, что его нѣтъ; онъ бы за себя не отвѣчалъ... Агаѣя вскрикнула:

— Ай!.. Больно...

Онъ отпустилъ руку.

— Ну, что-жъ? разсказывай дальше: я слушаю.

— Я вырвалась. „Это что? говорю, и не стыдно тебѣ? Я сейчасъ же, говорю, изъ твоего дома уйду къ мамушеѣ“... Онъ просить началъ, клялся, что больше не будетъ, что его чортъ попуталъ. Я послушалась. Мнѣ уйти бы, какъ я увидала это, но не хотѣла я скандалу для дома... Вернешься, думала, ты... узнаешь, что дома не жила, и разстройство на вѣкъ въ домѣ будетъ...

Вотъ и жду я, что-то будетъ. Онъ, послѣ того, до Петровѣ ни слова дурного не сказалъ мнѣ. Все больше дома сидитъ... скучный такой... Кое-когда мнѣ подсобить, а я сама все дѣлаю, его помощи не принимаю. На Святой разъ выпилъ онъ, да началъ, было, говорить мнѣ, что я, молъ, хорошая; я взяла да ушла къ мамушеѣ. На другой день и не смотрѣлъ на меня; совѣстно, знать, было.

На Троицу я ѣздила въ Малиновку къ празднику съ сестрой; насъ гроза въ полѣ застала, и я испортила свою безрукавку. Глядь, въ слѣдующій базаръ мнѣ свекоръ привозитъ плицу на безрукавку. „Это зачѣмъ же? — говорю я; — ты бы другой снохѣ далъ“. — „Да я такъ себѣ. Вѣдь у тебя испортилась безрукавка,

не у нея".—Самъ глядитъ въ сторону.—„Я не бѣдная, говорю, и сама справлю, коли что нужно“. Такъ и не взяла. А онъ еще скучнѣе сталъ.

Такъ, вотъ, Петровками, мужики сѣновозъ убирали. Василій съ работникомъ парь пахали, а жена его дома лежала,—ее лихорадка трепала,—отправилась я съ свекромъ на телѣгѣ сѣно убирать. День былъ чудный, жаркій... Уѣхали мы въ дальніе луга. Бабы и дѣвки со всего села выѣхали,—кто ворошилъ, кто копилъ сѣно, а мужики сухія копны на воза наваливали и домой везли... Бабы цѣсни играли, и я съ ними... а о свекрѣ и думать не думала... Парни играли съ дѣвками,—такая возня была, какъ никогда. И работали хорошо. Староста за всѣми понукалъ: только день былъ для уборки хорошъ, а въ вечеру туча начала заходить. Всѣ стали сѣно копнить, сколько могли. Къ вечеру за послѣднимъ возомъ свекоръ пріѣхалъ уже поздно, и всѣ, почитай, уѣхали. Я ему подсобила навить большой возъ, сама влѣзла на возъ и возжи держу, а онъ сбоку его вилами подпираетъ. Возъ былъ ужъ очень великъ, да и второпяхъ плохо наложено: все на бокъ съѣзжалъ...

Съ версту оставалось до села, какъ поднялась буря, начался громъ и закрапалъ дождь.. Только мы къ косой лощинѣ подлѣзали—дождь полилъ, какъ изъ ведра, молнія ослѣпила насъ и грянулъ сильный ударъ... лошадь шарахнулась въ сторону, и возъ съехалъ на бокъ вмѣстѣ со мною... Ты знаешь, я грозы боюсь и въ домѣ, а тутъ я вся дрожала... ударъ шелъ за ударомъ; лошадь металась изъ стороны въ сторону такъ, что ее пришлось распречь и пустить, чтобы она домой дошла одна. Свекоръ и я подлѣзли подъ сѣно рядомъ, чтобы скрыться немного отъ дождя, хотя мы уже давно промокли до нитки. Только мы немного укрылись, какъ вдругъ ударилъ громъ такой силы, что я никогда такого не слыхала... Казалось, онъ тутъ вотъ и упалъ... Я вскрикнула... „Не бойся, не бойся,—уговаривалъ меня свекоръ,—ничего, я съ тобой“. Я въ испугѣ прижалась къ нему... Онъ, сначала, меня обнялъ рукой, затѣмъ сталъ прижимать къ себѣ, все уговаривалъ не бояться... Наконецъ, принялся цѣловать въ глаза, въ щеки, въ губы... Я такъ была напугана грозой, что сразу не сопротивлялась... потомъ какъ бы очнулась и вырвалась изъ его объятій... Я выползла изъ-подъ сѣна и, несмотря на дождь, вернулась домой... Меня било какъ въ лихорадкѣ: я не знала, что дѣлать. Братъ твой и сноха стали спрашивать, что со мной? Я только имъ отвѣтила: „гроза“, и лежала, не была въ силахъ переодѣться. Пришелъ свекоръ и

при людяхъ не сказалъ мнѣ ни слова... онъ ходилъ чисто опшаренный.

На другой день я встала и, выбравъ минуту, когда мы были одни, я сказала свекру, что такой гадости отъ него не ожидала, и что рѣшительно ухожу къ своимъ... Онъ опять началъ плакать, божиться, что не будетъ... и я, боясь скандалу, и вѣря, что онъ говоритъ отъ души, осталась.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Свекоръ отъ меня бѣгалъ и не только не сдѣлалъ или не сказалъ чего дурного, но даже на меня не глядѣлъ. Я успокоилась и стала жить по прежнему. Такъ дѣло тянулось до осени. На Введенье я весь день, почестъ, была у мамушки, а вечеръ была на улицѣ. Ты знаешь вѣдь... я до улицы не охотница... и пошла-то сама не знаю зачѣмъ... побывала недолго и домой вернулась. На другой день свекоръ, вечеромъ, вернулся сердитый. „Ты что это, Агаѣя, вздумала, говорить, гулять? Нешто тебѣ мужъ велѣлъ шляться?“ — „Да что ты, батюшка, говорю, гдѣ, когда я шлялась? Я не понимаю, чего ты говоришь мнѣ?“ — „А ты думаешь, я не знаю, что ты вчера на улицѣ гуляла?“ — „На улицѣ я, говорю, была. Такъ мнѣ мужъ не запрещалъ на улицу ходить“. — „Ладно, ладно. Ты смотри у меня. Я тѣ шляться не дамъ“. — Съ тѣхъ поръ началась совсѣмъ новая жизнь для меня. Свекоръ сталъ слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ. Онъ не только не пускалъ меня на улицу или куда на посидѣлки, но и къ сестрѣ, къ мамушкѣ отпускалъ не надолго. Я поняла, что онъ не изъ-за тебя хлопочетъ, а самъ ревнуетъ, и разъ объявила, что мнѣ эта жизнь надоѣла и что я ухожу къ мамушкѣ. „Ага! вовсе гулять захотѣла, какъ прочія солдатки?—нѣтъ, голубушка, не на того напалась!.. Я отцу твоему скажу, что ты распутничать вздумала; онъ тебя за это по головѣ не погладитъ“. — „А я скажу, что ты ко мнѣ приставалъ“. — „Такъ тебѣ, говорить, и повѣрять; да я всему свѣту расскажу, что ты шлюха и на меня выдумываешь, потому что я тебѣ гулять не даю“.

У меня сердце такъ и упало, какъ я это услышала, но рѣшилась не уступать, взяла кое-какія вещи и пошла къ мамушкѣ. По дорогѣ иду, и страшно мнѣ стало... ухъ, какъ страшно! А ну какъ, думаю, мамушка расскажетъ батюшкѣ или сестрѣ про это, да говорить станутъ про меня? Дойдетъ до свекра, а онъ станетъ свое говорить,—вѣдь все село надо мной смѣяться будетъ. Дѣло было вечеромъ. Я постояла, постояла—да и вернулась домой. Свекоръ ни слова мнѣ не сказалъ, какъ будто ничего не видалъ.

Свекоръ еще пуще нападать на меня сталъ. Не то что помочь или жалѣть,—онъ все на меня ворчать сталъ. И работаюто я мало, и ничего-то у меня не спорится, и дѣло не такъ дѣлаю... Я все молчу и стараюсь угождать... Говорить никому про это не говорила. Одна подушка моя знаетъ, что я выстрадала... Такъ тянулось всю зиму... Весной,—Агаея понизила голосъ,—нѣтъ я не могу тебѣ этого рассказывать...

— Я тебѣ сказалъ, все говорить! Я хочу все знать. Я долженъ все знать... какъ было...

Андрей понималъ, что подходитъ роковая минута. Онъ всталъ; дыханіе у него прерывалось. Онъ все старался, широко раскрывъ глаза, разглядѣть жену,—но не видать было ничего. Онъ придвинулся къ ней, взялся за обѣ руки ея и, нагнувшись, придвинулъ свое лицо къ ея лицу, такъ что чувствовалъ ея дыханіе. Она закрыла глаза и, готовая на все, тихо и часто передыхая, продолжала свой рассказъ.

— Это было весной. Я съ нимъ осталась въ избѣ одна. Наканунѣ онъ былъ сердитый, и меня, самъ не зная за что, обругалъ и чуть не исколотилъ. Былъ праздникъ. Онъ вынулъ бутылку водки и стаканъ и выпилъ. Потомъ налилъ еще стаканъ и мнѣ даетъ. Какъ онъ ни приставалъ, я рѣшительно отказалась. „Ужъ не помириться ли онъ хочетъ?“ подумала я.— Онъ еще выпилъ и опять мнѣ поднесъ. Я опять отказалась.— „Ну, что жъ? Такъ мы и будемъ жить, и вѣкъ мнѣ мучиться такъ?“—спросилъ онъ. „А зачѣмъ, батюшка, мучиться?“—„Нешто ты не видишь, что я больше не могу?“ И какъ бросится на меня, повалилъ меня на лавку... глаза страшные такіе... я испугалась и закричала... Онъ зажалъ мнѣ ротъ... „Коли будешь кричать, я тебя задушю“...

— И... онъ тебя... насильно взялъ?—громко прошепталъ Андрей. Онъ ее повалилъ и колѣномъ надавилъ на грудь.

— Не знаю... оставь меня... не то насильно, не то такъ... я сама не знаю... О, больно!

Андрей отпустилъ ее, сѣлъ и зарыдалъ.

— Ну, что-жъ замолчала? Говори дальше...

— Потомъ я утопиться хотѣла... Мнѣ людей видѣть было совѣстно... я заболѣла... Онъ нѣсколько дней плакалъ все, прощенья просилъ... Потомъ онъ то ласками, то угрозами... Я не могла... я боялась...

— И такъ ты и жила съ нимъ?

— Такъ и жила... О! это не жизнь была... Это тысячу разъ хуже смерти было... Я ни на кого смотрѣть не могла,—все боя-

лась, что узнаютъ... И какъ это никто до сихъ поръ ничего не подумалъ, я и понять не могу. Я все говорила, что хвораю... и, правда, мнѣ вѣрили. А хуже всего было мнѣ, когда я думала о тебѣ... И жалко мнѣ было тебя—я и сказать не могу, какъ... Но боялась, что ты вернешься, пуще смерти... Я не знала, кому молила смерти... и себѣ... и ему... и тебѣ... Ужъ знай все... я тебѣ все говорю, какъ на духу... священнику не сказала... совѣстно было... а тебѣ все сказала.

— А его жалѣла?.. Все, такъ все говорить...

— И сама не знаю: когда—онъ мнѣ противенъ былъ, это когда я о тебѣ думала; когда—и жалѣла, а больше боялась... боялась, какъ бы меня не опозорилъ на весь свѣтъ, а также, какъ бы мучить не сталъ... Онъ самъ мучился... Когда ты нынче прѣхалъ,—не знаю, какъ я не упала. Боялась, что ты замѣтишь...

— Ну, а не совѣстно тебѣ было идти къ нему сегодня?.. При мнѣ?..

— Онъ вечеромъ сказалъ, что завтра уйдетъ въ монахи, и чтобы я пришла къ нему проститься. А то грозился все тебѣ рассказать.

— А теперь ты все жалѣешь его?

— Теперь?.. теперь, кабы могла, я своими руками задушила бы его... А тебѣ скажу: дѣлай, что хочешь, хоть убей меня... вели умереть—видитъ Богъ, ухожусь...

Начинало свѣтать. Они, какъ были, не заходя домой, не взявъ съ собой ничего, вдвоемъ задомъ уходили, сами не зная—куда...

Въ монахи Максимъ не ушелъ.

Уходъ Андрея и Агаѣи долго служилъ темой сельскихъ разговоровъ, но тайна ихъ—такъ и осталась тайной.

Изъ имущества отцовскаго онъ не взялъ ничего. Только въ волостномъ правленіи ежегодно приходило отъ него требованіе паспорта на себя, на жену, а впоследствии... и на дѣтей.

Александръ Новиковъ.

